Zarin, Andreĭ Efimovich,

Po-khoroshemu

А. Заринъ.
По хорошему
...игоиздательство
СПБ., Мойка 32.
...льскаго Вѣстника".
Т-во И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ

А. Заринъ.

ПО-ХОРОШЕМУ.

Разсказъ изъ временъ
царя Ѳеодора Алексѣевича.

Цѣна 10 коп.

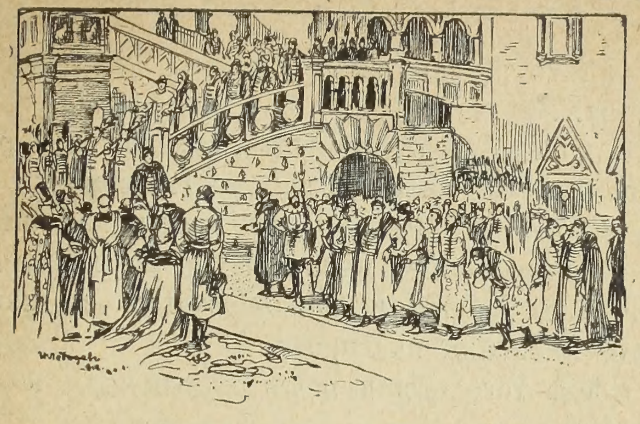

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1913.

Книгоиздательство
СПБ., Мойка 32.
„Сельскаго Вѣстника"

Т-во И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ

По-хорошему.

(Разсказъ изъ временъ царя Θеодора Алексѣевича).

I.

Утромъ рано, по обычаю, всѣ ближніе и думные бояре, всѣ дворяне, окольничьи, спальные и прочіе служилые должны были собираться во дворцѣ къ первому выходу царя, чтобы бить ему челомъ на здравіе.

Бояринъ Авдѣй Егоровичъ Ситовъ вернулся изъ дворца мрачный, какъ туча.

Не сразу переодѣлся онъ и долго ходилъ по своей горницѣ, то разглаживая свою длинную бороду, то задумчиво качая головою и бормоча вполголоса:

— Вотъ загнулъ-то! Ахъ, ты старый! Ну, ну...

Наконецъ, онъ хлопнулъ въ ладоши и, когда вошелъ холопъ, переодѣлся при его помощи: вмѣсто сапогъ съ подкованными каблуками, надѣлъ мягкіе сафьяновые, снялъ парчевый кафтанъ и остался въ желтой шелковой рубахѣ съ яхонтовыми запонками на вороту.

Послѣ того онъ вышелъ въ горницу и сѣлъ за обѣдъ.

Но и тутъ горькія мысли мѣшали ему поѣсть, какъ слѣдуетъ. Возьметъ кусокъ да и задумается. А когда послѣ обѣда пошелъ къ себѣ въ опочивальную, то долго кряхтѣлъ и ворочался, пока не заснулъ — и спалъ совсѣмъ плохо.

Проснулся, выпилъ квасу, расчесалъ бороду и грузнымъ шагомъ пошелъ на верхъ, по узкой лѣстницѣ, въ теремъ.

Въ терему, въ просторной свѣтлицѣ боярышня Катя съ сѣнными дѣвушками сидѣла за пяльцами; въ углу за печкой на лежанкѣ громко храпѣла старая мамка, которая еще самое боярыню помнила трехдневнымъ младенцемъ; а въ сосѣдней свѣтелкѣ черезъ сѣни только-что проснулась отъ послѣобѣденнаго сна боярыня и сидѣла на пуховой постели, сладко зѣвая и крестя ротъ.

Бояринъ распахнулъ дверь и шагнулъ къ женѣ въ свѣтелку.

Боярыня даже вскрикнула отъ неожиданности. Сонъ сразу сошелъ съ ея лица, и она встала на ноги, кланяясь боярину въ поясъ.

— Здравствуй, свѣтъ мой, Авдѣй Егоровичъ!— пѣвучимъ голосомъ сказала она.—Какъ почивалъ?

— И ты здравствуй! — отвѣтилъ бояринъ. — Садись-ка на лавку, въ ногахъ правды нѣтъ. Побалакать зашелъ къ тебѣ. Вели квасу подать!

— Одночасіемъ, милостивецъ! — Боярыня быстро, переваливаясь отъ непомѣрной толстоты, вышла въ сѣни и закричала: „Эй, дѣвки! Танька или Дашутка, бѣгите къ Уваровнѣ и несите квасу жбанъ да двѣ стопы. Скоро, скоро“...

— Въ одночасіе, милостивецъ! — повторила она вернувшись и, тяжело дыша, опустилась на лавку.

Бояринъ сидѣлъ молча, пока дѣвушки не принесли кваса. Онѣ ушли. Бояринъ налилъ себѣ и женѣ, выпилъ свою стопу, вытеръ усы ладонью и заговорилъ:

— Какъ спалъ, спрашиваешь?.. Дурно спалъ! Думы заботливыя... Слышь, что приключилось ноньче.

Боярыня даже всколыхнулась вся.

— Въ утро-то, — продолжалъ бояринъ,—какъ въ сѣняхъ собрались всѣ, бояринъ, князь Телепень и говоритъ мнѣ: слово хочу сказать тебѣ!.. Хорошо. Били царю челомъ, вышли на дворъ, онъ снова: слово мое—хочу къ тебѣ сваты слать,

за твою Катерину свататься, а съ разговоромъ дьяка пришлю... А!—и бояринъ хлопнулъ о колѣни руками, а боярыня сразу и словъ не нашла, только словно заклохтала.

— Это Катюшу-то! — наконецъ сказала она.

Бояринъ кивнулъ.

— Это князь-то, Парамошка?

Бояринъ кивнулъ, а боярыня понемногу распалялась.

— Старый безпутникъ!.. Двухъ женъ заморилъ за третьей гонится. Нашей-то Катюшѣ 16 годковъ, а ему, псу старому, 60! Носъ-то какъ долбня. Да ты бы плюнулъ ему въ глаза его безстыжіе!

Бояринъ махнулъ съ досадою рукою.

— Я къ ней за совѣтомъ, а она рѣчи дурацкія!.. Въ глаза бы плюнулъ... Тьфу! дура. Да нѣшто не знаешь, кто—онъ? Парамошка! Парамонъ Тимоѳеевичъ, да князь не Телепень, а Долговъ-Обуховъ-Телепень. Вотчины у него и подъ Москвою, и подъ Рязанью, и подъ Тулою. И думный бояринъ онъ да еще Разбойнаго приказа-воевода. Во!.. А ты: въ глаза плюнуть... Тьфу, дура! а я кто? ась? Его предки съ царемъ Иваномъ Третьимъ въ верстѣ были, а я што? чуть не посошный. Дѣдъ мой Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ бояре жалованъ!.. Опять животы мои: одна вотчина малая...

— Да царь тебя жалуетъ, — сказала боярыня.

— Жалуетъ царь, не милуетъ псарь. Знаешь?— и бояринъ тихо прибавилъ:—захочетъ, меня—какъ блоху—раздавитъ, а Катюшу уволокомъ возьмутъ.

Боярыня всплеснула руками и захныкала. Бояринъ махнулъ рукой:

— Вотъ и говори съ нею! Тьфу!—онъ съ досадою поднялся съ лавки.

— А съ Антошей-то какъ?—слезливо проговорила боярыня.—Любятъ вѣдь они другъ друга и мы въ согласіи.

Бояринъ снова сѣлъ на лавку.

— О чемъ же и говорю? Я еще Сергѣю Петровичу слово далъ за свою Катюшу да и Антонъ мнѣ по сердцу. Вотъ голова и кругомъ... И ее жалко, и какъ супротивъ такой силы итти?..

Онъ опять выпилъ квасу.

Въ это время въ дверь тихо стукнули, и вошелъ боярскій ключникъ. Онъ поклонился и сказалъ:

— До твоей милости, бояринъ. Дьякъ изъ приказа пріѣхавши!

— Ну, вотъ и онъ!—воскликнулъ бояринъ.— Иду, иду! достань медовъ да оладьи, да маковики... Шевелись, старый!—сказалъ онъ ключнику и спѣшно пошелъ изъ терема.

Дьякъ Ермолай Панфиловичъ Сугубовъ уже успѣлъ войти въ горницу. Былъ онъ маленькаго роста, круглый, какъ шаръ; богатый кафтанъ его доходилъ почти до полу, высокій воротникъ под-

пиралъ огромную круглую голову съ краснымъ лицомъ. Широкое лицо его улыбалось, маленькіе глазки свѣтились умомъ, но говорилъ онъ пискливымъ голосомъ.

— Челомъ тебѣ, бояринъ!—пропищалъ дьякъ, кланяясь въ поясъ.

— И тебѣ, Ермолай Панфиловичъ! — отвѣтилъ бояринъ.—Садись, гостемъ будешь!

Холопы внесли и уставили на столѣ сулеи съ разными медами, ендову пива, жбанъ съ квасомъ, стопы съ кубками и всякую снѣдь.

— Не обезсудь! — поклонился бояринъ.

Дьякъ кивнулъ огромной головою.

— Съ дорожки, разѣ? съ устатку... Много нынче въ приказѣ поработалъ.

Дьякъ сѣлъ. Бояринъ налилъ въ кубки меда, и они стали пить и бесѣдовать о приказныхъ дѣлахъ, о войнѣ, о здоровьѣ государя.

Потомъ наступило молчаніе, и дьякъ сказалъ:

— А, вѣдь, я, бояринъ, къ тебѣ не-спроста. Съ посыломъ!

Бояринъ кивнулъ.

— Знаю, князь мнѣ сказывалъ!

— И что же ты думаешь, бояринъ?

Бояринъ только развелъ руками, а дьякъ заговорилъ и своими словами совсѣмъ удивилъ боярина.

— Поди, старый песъ: одной ногой въ гробу, двухъ женокъ заколотилъ, а теперь на

твою зарится. Думаетъ—сила!.. а ты, бояринъ, вотъ что! — дьякъ понизилъ голосъ, — ты ему пока что — не перечь, только время тяни. Вѣрь моему слову: твой верхъ будетъ. Отцѣпится!

— Ермолай Панфиловичъ!—воскликнулъ изумленный и обрадованный бояринъ, — и ушамъ своимъ не вѣрю! думалъ я, врагъ ко мнѣ пришелъ, а ты — другъ! Милый ты человѣкъ, и какъ же я благодарствую тебя!

Бояринъ всталъ и трижды поцѣловалъ дьяка.

— Ума не могъ приложить, что и дѣлать: силенъ князь, а я — человѣкъ маленькій, — все можетъ со мной сдѣлать.

Дьякъ покачалъ головою.

— Не скажи: царь тебя отличаетъ. Всякое можетъ случиться, а пока что надо только время тянуть. Ты-то лучше бы дочку свою, пока что, въ вотчину увезъ. Пусть поживетъ!

— Ахъ ты, милый! — радостно воскликнулъ бояринъ.—И какъ хорошо удумалъ!.. Безперемѣнно въ вотчину пошлю. Чѣмъ мнѣ благодарствовать тебя, Ермолай Панфиловичъ?

Дьякъ хитро улыбнулся и сказалъ:

— Будетъ время, спрошу у тебя.

— Съ радостью услужу, а теперь возьми отъ меня кубокъ этотъ: настоящій польскій!.. Я его въ походѣ въ Вильнѣ взялъ.

— Спасибо, бояринъ!

Бояринъ съ честью проводилъ дьяка черезъ весь дворъ.

— Такъ я скажу своему воеводѣ, что ты благодаришь на чести, только повременить просишь — дочка-де въ вотчинѣ! — сказалъ дьякъ на прощанье, и оба они засмѣялись.

Съ радостнымъ сердцемъ вернулся въ домъ бояринъ и тотчасъ приказалъ снаряжать боярышню въ вотчину.

II.

Заплакала Катя, когда узнала о внезапномъ отъѣздѣ.

— Мамочка, за что же это? — съ плачемъ говорила она. — Вѣдь сама ты съ батюшкой на Красной горкѣ думали меня за Антона выдать, а теперь вотъ...

— Глупая ты, глупая, — также плача отвѣчала ей боярыня, — до Красной горки еще вонъ сколько времени: теперь только святки прошли... Дѣло такое вышло!.. Для твоей пользы, доченька.

Мамка захлопотала, увязывая и укладывая всякую рухлядь, крича на сѣнныхъ дѣвушекъ, которыя метались, какъ угорѣлыя.

А дѣвка Палашка, любимая подруга боярышни, давно уже вылетѣла изъ боярскаго дома и стремглавъ мчалась къ дому Антона Гуляева.

У самыхъ воротъ стремянный Васютка держалъ засѣдланнаго господскаго коня. Быстро завязалъ онъ поводъ въ кольцо, увидѣлъ Палашку и перехватилъ ее по дорогѣ.

— Пусти, ой, пусти, озорной! Слышь, какая бѣда у насъ!

— Что случилось?—спросилъ Васютка.

Палашка оправилась.

— А то, что меня съ боярышней бояринъ указалъ на вотчину увезти, тамъ дѣвичій вѣкъ коротать.

— Что-о? и тебя!

— А то какъ же!.. Нѣшто я боярышню покину?

Въ это время изъ воротъ вышелъ дворянинъ Антонъ Сергѣевичъ Гуляевъ въ собольей шапкѣ, въ мѣховомъ кафтанѣ, опоясанный саблею съ ножомъ у пояса; въ теплыхъ сапогахъ и рукавицахъ. Несмотря на толстый мохнатый кафтанъ, видно было, что молодой дворянинъ—тонокъ и строенъ, хотя въ плечахъ и косая зажень. Изъ-подъ шапки съ соколинымъ перомъ открыто и смѣло глядѣли большіе сѣрые глаза; черные усы и бородка, прямой носъ и розовыя щеки были словно написаны, и все лицо сразу оживало отъ улыбки, которая обнажила сверкающіе бѣлизной зубы.

— А! Палашка! — весело сказалъ онъ и улыбнулся.

Палашка поклонилась ему чуть не въ землю.

— До тебя, господинъ, отъ боярышни!

— А что?

Палашка торопливо разсказала про ихъ отъѣздъ, и сразу потемнѣло лицо Гуляева.

— Не пойму что-то! — сказалъ онъ сурово и потомъ встряхнулъ головою.—Сойди съ боярышней въ садъ у горки, какъ къ вечернямъ ударятъ, — сказалъ онъ и, ухвативъ за гриву коня, легко и быстро вскочилъ въ сѣдло.

Гуляевъ погналъ коня сначала прямо въ Кремль, гдѣ во дворцѣ бояре ждали передъвечерняго выхода царя.

Въѣхавъ въ ворота, онъ спѣшился, потому что никто не смѣлъ ѣхать ни въ возкѣ, ни верхомъ подлѣ царскихъ палатъ, и снявъ шапку, пошелъ ко дворцу.

Въ ту пору Большой царскій дворецъ достигъ полнаго своего великолѣпія.

Цари Михаилъ и Алексѣй неустанно достраивали и по всякому украшали его.

Издали казалось, что всякаго вида зданья, дома и домики, башни и часовенки грудою нагромождены другъ на друга. Тамъ торчала острая, какъ пика, крыша, здѣсь она раскинулась шатромъ, въ одномъ мѣстѣ рѣпою, въ другомъ огромнымъ шаромъ — гдѣ выложенная мѣдью, гдѣ свинцомъ, гдѣ окрашенная въ желтую краску, гдѣ въ зеле-

ную—и всѣ эти крыши, толпясь и высясь, одна надъ другою, представляли удивительно живописный видъ.

На террасахъ, выходившихъ къ Москвѣ-рѣкѣ, одинъ надъ другимъ, раскинулись три большихъ сада.

Теперь они были засыпаны снѣгомъ, и деревья стояли съ голыми вѣтвями,—а лѣтомъ они казались сплошными зелеными стѣнами, въ нихъ всюду пестрѣли клумбы съ цвѣтами, и вездѣ висѣли клѣтки съ пѣвчими птицами.

Вокругъ дворца ходили сторожевые стрѣльцы съ самопалами, и едва галка или ворона осмѣливалась подлетѣть и сѣсть на какую-либо крышу, какъ мѣткій выстрѣлъ убивалъ дерзкую тварь.

Гуляевъ прошелъ въ малыя сѣни и черезъ истопника вызвалъ боярина Ситова.

— Бояринъ! Авдѣй Егоровичъ! — заговорилъ онъ взволнованно.—Что случилось? Почему Катюшу на вотчину везти указалъ?

Бояринъ качнулъ головою.

— Дѣло такое вышло!—и, нагнувшись къ самому уху Гуляева, сталъ передавать шопотомъ всѣ событія дня.

Гуляевъ вздрагивалъ и нетерпѣливо хватался за поясной ножъ.

Бояринъ кончилъ, выпрямился и, оставивъ руку на плечѣ Гуляева, сказалъ:

— Самъ знаешь, Антонъ, я тебя давно за сына почитаю и отъ слова своего не пячусь. А теперь — суди: князь-то во какъ высоко стоитъ! Мнѣ съ нимъ не тягаться!..

— Старый песъ! — воскликнулъ Гуляевъ, — сычъ, хрюкало!.. Поди же!

Бояринъ испугался.

— Не шуми, Антонъ! — ласково сказалъ онъ. — Перемелется, мука будетъ. Мнѣ его дьякъ — совѣтчикъ да и я при царѣ близокъ: улучу минуту и замолвлю. А пока — нишкни!.. Ну, прощай.

Онъ пошелъ и вернулся.

— А ты отпросись у князя дня на два, на три... Наши вотчины рядомъ. Мою дочку проводишь! — и онъ усмѣхнулся ласково.

Гуляевъ вспыхнулъ.

— Спасибо, бояринъ! — крикнулъ онъ вслѣдъ и сбѣжалъ съ крыльца.

Теперь, выйдя изъ Кремля, онъ вскочилъ въ сѣдло и погналъ коня прямо къ князю Василью Васильевичу Голицыну, у котораго считался въ подручныхъ, въ родѣ современныхъ намъ адъютантовъ.

Молодой князь Голицынъ былъ не въ примѣръ прочимъ отличенъ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Несмотря на молодые годы (въ ту пору ему было всего 30 лѣтъ), онъ былъ едва ли не самымъ образованнымъ человѣкомъ изъ близкихъ къ царю. Онъ свободно изъяснялся по-польски, по-латыни

и по-нѣмецки, постоянно читалъ книги, имѣлъ сношенія съ иностранными учеными и въ домѣ у него уже все было на европейскій ладъ: висѣли занавѣски, на стѣнахъ были картины и зеркала, въ горницахъ стоялъ органъ, при домѣ былъ театръ, и имѣлось богатое книгохранилище.

Былъ онъ отличенъ царемъ за умъ, за знанья, за энергію. Царь поручилъ ему великое дѣло — преобразовать на европейскій ладъ все ратное устройство, а тамъ и все государство.

Голицынъ работалъ, собравъ подлѣ себя молодыхъ, умныхъ людей, среди которыхъ отличалъ и Гуляева.

Гуляевъ соскочилъ у воротъ съ коня, безъ шапки перешелъ дворъ и вошелъ на крыльцо.

Холопъ тотчасъ доложилъ, и князь позвалъ его къ себѣ въ горницу.

Голицынъ ласково встрѣтилъ Гуляева и усадилъ на хитрой работы сафьяновое кресло.

Одѣтъ былъ князь въ легкіе зеленые сапоги, въ тафтяные штаны и желтую рубашку навыпускъ, безъ пояса. Его красивое лицо было немного татарскаго типа.

— Ну, что разсказывать будешь? — ласково спросилъ онъ. — Съ чѣмъ пожаловалъ?

— Горе свое къ тебѣ принесъ, — отвѣтилъ Гуляевъ и сталъ быстро разсказывать про князя Телепня, про любимую Катю и свое горе.

Князь засмѣялся и махнулъ рукою.

Проводить боярышню можешь, только оборачивайся скорѣе, — сказалъ онъ. — А что до князя, то, какъ говорится, „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!“ и силенъ, и богатъ онъ, воевода въ приказѣ, а и на него узда есть... Такъ скажи и боярину.

Радостный ушелъ Гуляевъ и погналъ коня къ боярскому дому на свиданіе съ Катей, а Голицынъ опустился на кресло и задумался: „другой и умомъ взялъ, и въ работѣ силенъ, а нѣтъ ему дороги, потому что родъ его худой. Дѣлами дѣдовъ да прадѣдовъ бахвалятся, а сами, что чурбаки. Много бѣды отъ этого!..“

Князь взялъ со стола свитокъ и сталъ читать его про себя, бормоча: „вѣрно. Охъ, какъ вѣрно! Эти всѣ Телепни да Трубецкіе, да Одоевскіе живымъ съѣдятъ!“

III.

Царь Өеодоръ Алексѣевичъ былъ немощенъ и потому скоро утомлялся на людяхъ.

Всѣ пріемы его были кратки, а потомъ онъ звалъ къ себѣ двухъ-трехъ изъ ближнихъ бояръ и уединялся съ ними во внутреннихъ покояхъ.

И теперь царь скоро отпустилъ бояръ, позвалъ дядьевъ Милославскихъ и ушелъ съ ними.

Парчевый кафтанъ у князя Долгова-Обухова-Телепня былъ до полу, а высокій воротникъ на четверть выше затылка. Былъ онъ ростомъ боярину Ситову едва по плечо и ходилъ согнувшись, опираясь на дорогую палку изъ рѣдкаго рога.

— Здравствуй, бояринъ Авдѣй Егоровичъ! — сказалъ онъ ласково боярину, подходя къ нему послѣ ухода царя.

— И тебѣ, князь! — отвѣтилъ бояринъ.

— Сказывалъ мнѣ мой дьякъ, что сватовъ засылать могу... А? Не облыжно сказывалъ? — и князь пытливо посмотрѣлъ на боярина.

— Не облыжно, князь! Только повременить надоть: дочка-то моя теперь въ вотчинѣ.

Князь вздрогнулъ.

— А ты изъ вотчины ее!

— Неможно. Мать осерчаетъ. На святкахъ было рѣшили, теперь въ вотчинѣ поживетъ, а тамъ съ матерью въ Угрѣши поѣдетъ, Господу помолиться, у насъ такъ съиздавна ведется... Мнѣ, князь, — поторопился сказать бояринъ, — твоя честь дорога: и богатъ ты, и именитъ. Я цѣню!

Князь закивалъ головою.

— И цѣни! Я тебя тянуть буду, воеводство тебѣ достану.

— На томъ спасибо, князь!

— Дочка твоя люба мнѣ. Вотъ какъ увидѣлъ ее ненарокомъ, и изъ ума не идетъ! —

сказалъ князь, и синеватыя губы его растянулись улыбкою и открыли четыре гнилыхъ зуба — три внизу и одинъ вверху.

Бояринъ даже отвернулся.

Сумрачный возвращался онъ домой. Что онъ, маленькій, не родовитый, противъ такого боярина, какъ князь?

Ихъ родъ при царѣ Иванѣ III-емъ съ самимъ царемъ въ версту тянулся.

А богатъ-то какъ? Однихъ холоповъ въ Москвѣ при домѣ съ пять—а не то шесть сотенъ.

Мимо дома его, слышь, ни ходить, ни ѣздить нельзя, потому что холопы нападаютъ и грабятъ, а никто и слова сказать супротивъ не можетъ. Самъ же князь и всѣ разбойныя дѣла вѣдаетъ.

Правда, царь отличаетъ его, боярина Ситова: въ Думу звалъ, слова его слушалъ, на Соборѣ въ прошедшемъ году завсегда спрашивалъ: „а что скажешь ты, бояринъ?“ и къ рукѣ допустилъ.

Люди сказывали, что царь мыслитъ его въ думные поставить, а и тогда, какая онъ сила противъ Телепня!

Съ этими мыслями онъ вернулся къ себѣ домой.

Внизу у себя скучно, а на верху въ терему тоска.

Боярыня сидѣла съ заплаканными глазами, а по всему терему раздавались сердитые оклики старой мамки.

Катя только что прибѣжала изъ сада, гдѣ видалась съ Гуляевымъ, и вся трепетала въ предчувствіи бѣды.

Бояринъ сѣлъ на лавку и сказалъ женѣ:

— Будетъ тебѣ ревѣть... Коли хочешь—и ты поѣзжай съ Катюшей... Антону я сказалъ, чтобы проводилъ до вотчины.

— Боюсь я, Авдѣй Егоровичъ,—всхлипывая сказала боярыня.

— Чего? Дочку до послѣдняго беречь будемъ.

— А коли онъ зло тебѣ какое сдѣлаетъ?

— До царя дойду... Ну, да что про это! Пока что—ѣхать надоть. Съ глазъ подальше,—рѣзко окончилъ онъ и всталъ.

— Завтра на зарѣ... Я—во дворецъ, а ее въ возокъ!—рѣшилъ онъ и пошелъ внизъ.

Палашка всю ночь шепталась съ боярышней.

— Ты не бойсь! Ежели этотъ старый сычъ просватаетъ тебя, Антонъ Сергѣевичъ безпремѣнно тебя ослобонитъ; увозомъ возьметъ!

Катя вытерла свои слезы и улыбалась.

— Откуда ты знаешь про это?

— Тоже!—отвѣтила Пашутка,—а Васютка на што: онъ мнѣ все и высказалъ.

— Ты любишь его?

Пашутка только тяжко вздохнула:

— Какая ужъ наша любовь холопская!

— Ты скажи: любишь?

— А какъ же не любить его боярышня: онъ такой забавникъ и сильный—страсть! а храбрый какой!

— А онъ тебя?

— Сказываетъ—любитъ... Но развѣ имъ можно вѣрить-то!

— Слушай же! — торжественно промолвила Катя и положила руки на плечи Палашки.

— Какъ только я выйду за Антона, затѣмъ мы и васъ повѣнчаемъ! вотъ мое слово!

Палашка жарко поцѣловала плечо Кати.

Не долга печаль дѣвичья и, когда мамка съ боярыней пришли обряжать боярышню въ дорогу, она была весела, какъ птичка.

Досыта накормили дѣвушекъ, закутали съ ногъ до головы и, наконецъ, усадили въ возокъ. Мамка кряхтя влѣзла слѣдомъ за дѣвушками. Боярыня стояла на крыльцѣ; ее съ двухъ сторонъ поддерживали дѣвушки.

Возокъ тронулся въ дорогу.

Впереди и съ боковъ ѣхали холопы на коняхъ съ боярскимъ стремяннымъ Егоромъ, кольцомъ окружая возокъ съ сѣдоками и сани съ поклажею.

Въ тѣ поры иначе нельзя было и ѣздить.

Даже храбрые воины не рѣшались пускаться въ дорогу одинокими: вездѣ на дорогахъ сторо-

жили путниковъ разбойники, готовые зарѣзать человѣка за простые сапоги изъ юфти.

Едва выѣхалъ поѣздъ изъ Москвы, какъ къ возку вихремъ подлетѣлъ Антонъ Гуляевъ со своимъ вѣрнымъ стремяннымъ. Онъ откинулъ кожаный пологъ, закрывавшій окно, и заглянулъ въ возокъ... Раздались три возгласа: крикнули всѣ три женщины и каждая по-своему:

— Съ нами крестная сила! злодѣй!!.

— Антонъ!

— Васютка!

— Въ Москвѣ слѣдомъ за вами ѣхалъ,—сказалъ Антонъ;—бояринъ просилъ, не подъѣзжать къ возку твоему. Въ Москвѣ-то! а теперь нагнали.

— Тьфу, непутевый!—заворчала мамка,—досмерти напугалъ: воры тутъ такъ и рыщутъ!

— Теперь не бойся, старая! Я отобью тебя отъ воровъ.

Увидѣвъ милаго своего, Катя совсѣмъ развеселилась и отъѣздъ въ вотчину уже не казался ей тяжкимъ. Въ вотчину и матушка пріѣдетъ, а тамъ пронесетъ грозу мимо. Никто, какъ Богъ!

Весела была и Палашка; смѣялись и Антонъ со своимъ стремяннымъ, а грозовая туча уже наползала на нихъ и бросала на ихъ счастье зловѣщую тѣнь, — только не примѣчали они этой тѣни.

IV.

Царь Θеодоръ былъ немощенъ. Когда померъ Алексѣй Михайловичъ (29 января 1676 г.), новый царь лежалъ больной въ постели и его вынесли въ креслахъ, для принятія присяги отъ бояръ. И во все свое царствованіе онъ хворалъ безпрерывно, за все время не сдѣлалъ ни одного выѣзда изъ дворца,—но, несмотря на это, онъ твердо держалъ бразды правленія въ своихъ рукахъ и радѣлъ о своемъ царствѣ. Въ дворцовыхъ палатахъ постоянно собиралась боярская дума; въ 1681 году собирался Церковный соборъ; царь приближалъ къ себѣ умныхъ людей и заставлялъ ихъ трудиться на пользу государства.

Время было переходное.

Старый московскій строй уже отжилъ свое время. Войны съ Польшей и Турціей показали, что нужно совершенно по новому и устроить войска, и обучить ихъ; также нужно было преобразовать и всѣ части внутренняго управленія. Царь Алексѣй Михайловичъ началъ великое дѣло преобразованія, царь Θеодоръ продолжалъ его, а могучій Петръ закончилъ.

Самое первое дѣло—было ратное: надо было по европейскому образцу устроить войска, завести иное чиноначаліе, иной строй, иное обученіе.

И все это громадное дѣло царь поручилъ любимому боярину, князю Василію Голицыну.

Голицынъ ревностью взялся за работу.

Царь сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ у своего стола, заваленнаго свитками, грамотами и толстой книгою „Уложенія“—великой книгою нашихъ законовъ, составленныхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Ноги царя были завернуты въ шелковый платъ, а поверхъ лежалъ на нихъ парчевой кафтанъ. Царь сидѣлъ, склонивъ голову, и вниматсльно слушалъ князя Голицына, который говорилъ ему:

— Какъ сдѣлали мы росписи всѣмъ ротмистрамъ и поручикамъ, такъ выборные мнѣ сейчасъ на твое царское имя челобитье и подали. У всѣхъ у нихъ въ росписяхъ есть и братья, и сыны. А чтобы не было тѣмъ обиды и утѣсненія, укоризны и попрека оть старшихъ родовъ Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ и прочіихъ, дѣти коихъ за малолѣтствомъ въ росписи не попали, — потому и просятъ они тебя, государь, чтобы ты указалъ: всѣмъ боярамъ, окольничьимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ и въ прочихъ городахъ въ приказахъ, у ратныхъ и посольскихъ дѣлъ—безъ мѣстъ!

Голицынъ перевелъ духъ.

Царь молчалъ, опустивъ голову. Голицынъ продолжалъ:

— Мѣста эти—всему злу корень. Спорятся промежъ себя, кто кого старшѣе; разрядныя книги ворочаютъ, дѣдовскія дѣла поминаютъ; на воеводства садятся по старшинству, а дѣломъ дьякъ правитъ. Въ ратномъ дѣлѣ и того хуже!

Царь поднялъ голову, лицо его оживилось:

— Твоя правда, князь! и твои выборные прямое слово сказали. Великое зло—это мѣстничество. И отецъ, и дѣдъ,—упокой, Господи, ихъ праведныя души! — завсегда боролись съ этимъ зломъ. Поборемся и мы!

Царь взялъ со стола золотой свистокъ и свистнулъ. Въ палату вошелъ дворянскій сынъ и поклонился.

— Зови дьяка!—приказалъ царь.

Черезъ минуту въ палату вошелъ дьякъ.

— Садись и пиши мой указъ, — сказалъ царь. — Нонче у насъ какой день?

— Пятый Просинца (т.-е. Января),—отвѣтилъ дьякъ.

— Такъ!—сказалъ царь.—Ну, пиши, что наказалъ я быть двѣнадцатаго сего мѣсяца „сидѣнію“ съ нами бояръ и думныхъ людей, а также патріарха и начальниковъ монастырскихъ. Указъ спишешь, а тѣ списки немѣшкотно ко всѣмъ послать.

Дьякъ уже скрипѣлъ гусинымъ перомъ, а царь съ радостнымъ лицомъ говорилъ Голицыну:

— Свергнемъ злой обычай!

— Помоги Богъ, государь!

Въ просторной избѣ Разбойнаго приказа, въ рѣзномъ деревянномъ креслѣ сидѣлъ воевода, князь Долговъ-Обуховъ-Телепень.

По другую сторону стола сидѣлъ дьякъ, а посреди избы у стола стоялъ воровского облика ярыжка и вкрадчивымъ голосомъ говорилъ:

— Въ утріе на зарѣ, милостивецъ!..

— И не врешь?

— Разрази меня на этомъ мѣстѣ! а за возкомъ и Гуляевъ со своимъ стремяннымъ... Я бѣгомъ да бѣгомъ!.. Какъ на Смоленскую дорогу выѣхали, онъ-то погналъ коня и прямо къ возку,— такъ вмѣстяхъ и поѣхали дальше.

Князь хлопнулъ ладонью и хотѣлъ закричать, отъ злости поперхнулся слюной и такъ закашлялся, что голова его замоталась во всѣ стороны, а носъ совсѣмъ сталъ огненнымъ. Дьякъ подбѣжалъ къ нему и сталъ бить его по загривку съ такимъ усердіемъ, словно хотѣлъ сломать ему шею.

— Буде, буде!—прошамкалъ князь,—отошла!

Онъ вытеръ рукой выступившія слезы и сталъ тяжело дышать, а отдышавшись, снова пришелъ въ ярость и захрипѣлъ.

— А! каковъ! какъ, дьякъ, думаешь: вѣдь онъ меня обманулъ?

— Сбиваетъ на это, —уклончиво сказалъ дьякъ.

— Сбиваетъ! не сбиваетъ, а какъ есть! сказывалъ, что дочь его въ вотчинѣ, а самъ только сегодня услалъ ее... И этотъ щенокъ при ей!

Онъ тяжело перевелъ духъ и обратился къ ярыжкѣ:

— Домъ Гуляева знаешь?

— Какъ же, милостивецъ! очень знаю!—отвѣтилъ ярыжка.—Холопы озорные да драчливые, псы во дворѣ злющіе...

— Ну, тамъ твое дѣло! достань зелья какого али коренья, заверни въ тряпицу и положь въ его опочивальную. Понялъ?

Ярыжка даже откачнулся.

— Помилуй, князь! холопы озорные, псы злые: какъ мнѣ въ домъ войтить!..

— Пустое! холопа закупи и все.

— Откуда деньги у меня: въ одномъ карманѣ охъ, въ другомъ—подастъ Богъ!

— Пустое! на тебѣ...

Князь досталъ кошель и сталъ копаться въ немъ костлявыми пальцами.

— Вотъ тебѣ три алтына!

— Побойся Бога, князь: что три алтына на такое скаредное дѣло!

— Молчи! вотъ еще два и иди. А не то въ батоги велю! помни!

Ярыжка только крякнулъ и поплелся изъ избы.

— Ладно,—сказалъ князь, усмѣхаясь,—мы этого дворянскаго сына прямо на дыбу потянемъ, да встряску ему, да горячаго вѣничка. Ха-ха-ха! для ча у тебя, добрый молодецъ, зелья да коренья? сказывай! попомнитъ онъ Катюшу!..

— А ты, дьякъ,—обратился онъ къ дьяку,—иди передъ вечерней къ боярину да и скажи ему: такъ и такъ. Князь, молъ, вся подлинно знаетъ, какъ ты утромъ свою дочку въ вотчину услалъ и послѣдній, молъ, отъ него сказъ: нонче жъ ворочай дочку, а инача быть худу!.. Я ему покажу! узнаетъ онъ Кузькину мать! такъ и скажи!..

— Сдѣлаю, князь, какъ наказываешь!—отвѣтилъ дьякъ.

Блѣдный, какъ холстъ, слушалъ бояринъ Ситовъ разсказъ дьяка и въ отчаяньѣ всплеснулъ руками:

— Ну, скажи на милость, какое наказанье Божье! дьяче, дьяче, что мнѣ теперь дѣлать?.. Пропала моя головушка!

— Не робѣй,—сказалъ дьякъ,—перво на перво я ему скажу, что ты въ утро завтра пошлешь за дочкой, а потомъ сдѣлай такъ, чтобы у Гуляева холопы изловили ярыжку. Онъ все на князя тогда докажетъ. Вотъ его-то, Гуляева, беречь надоть, а то ежели попадетъ къ нимъ, въ застѣнокъ,—князь его запытаетъ. Золъ князь-то!

— Въ одночасіе сдѣлаю!—сказалъ бояринъ.—Ты прости.—И онъ выбѣжалъ въ сѣни.

— Бѣги во дворъ Гуляева,—сказалъ онъ холопу,—и приведи мнѣ ключника, да живо!

Онъ вернулся въ горницу.

— Не знаю, за что ты такой и ласковый ко мнѣ, Ермолай Панфиловичъ! не знаю, какъ и благодарить тебя!

Дьякъ опять только подмигнулъ боярину:

— Придетъ время, напомню тебѣ, бояринъ!

— Радъ буду! а теперь дозволь мнѣ тебѣ меду прислать: похвалилъ ты его, а мнѣ тебѣ угодить охота!

— Что жъ, пришли!—сказалъ дьякъ.—Спасибо на подарочкѣ.

Въ тотъ же вечеръ холопы Гуляева захватили ярыжку, нашли у него узелокъ съ какимъ-то корнемъ да порошкомъ—и накрѣпко заперли его въ клѣть.

V.

Утромъ 12 января 1682 г., князь Телепень въ парчевомъ кафтанѣ, въ дорогой лисьей шубѣ, въ высокой гарлатной шапкѣ заѣхалъ въ приказъ и сказалъ дьяку:

— Сейчасъ во дворецъ на „сидѣніе“ ѣду, а ты, тѣмъ временемъ, пошли немѣшкотно стрѣль-

цовъ на саняхъ въ вотчину Гуляева, чтобъ они его по цареву дѣлу взяли и сюда привезли.

— Нѣшто подбросилъ?—спросилъ дьякъ.

— Не былъ онъ, пьяные глаза, съ того времени, а надо быть, что сдѣлалъ. Ну и все едино! не хочу ждать больше. Понялъ?

— Сдѣлаю, какъ приказываешь, — отвѣтилъ дьякъ.

— Ну, а я поѣду!

Князь вышелъ, сѣлъ въ возокъ и, окруженный, по обычаю того времени, толпою холоповъ, важно поѣхалъ во дворецъ.

Со всѣхъ воротъ къ Кремлю подъѣзжали возки, сани и просто всадники на коняхъ: это бояре, окольничьи, думные, настоятели монастырей собирались во дворецъ на „сидѣніе“ по внезапному вызову царя.

У Кремлевскихъ воротъ спѣшивались съ коней, выходили изъ возковъ и саней и всѣ шли съ обнаженными головами до самаго дворца, а у стѣнъ Кремля огромными толпами скучивались холопы.

Появились продавцы сбитня, горячихъ оладій, принесли горячаго пива, и скоро на Красной площади раздались и крики, и пѣсни, и гамъ, и шумъ.

Въ огромной думной палатѣ собрались всѣ званые. Вскорѣ прибылъ царь, котораго ввели

подъ руки два стольника, за нимъ шли Голицынъ, Милославскіе и позади всѣхъ—дьякъ.

Всѣ опустились на колѣни и били челомъ царю, послѣ чего встали, а царь подошелъ подъ благословеніе патріарха и поцѣловалъ его руку, а патріархъ—царское плечо.

Медленно и чинно прочиталъ патріархъ молитву и благословилъ собраніе, послѣ чего всѣ сѣли: царь—на тронъ, патріархъ объ руку съ нимъ—на патріаршее мѣсто, а остальные кругомъ отъ царскаго трона—на табуретахъ, а въ серединѣ круга за столомъ, съ письменнымъ приборомъ, дьяки.

Всѣ сѣли и наступило молчаніе. Царь сказалъ, обращаясь къ Голицыну:

— Князь, прочитай намъ и патріарху, и боярамъ ту челобитную, что ты мнѣ читалъ!

Голицынъ тотчасъ всталъ и началъ читать.

Онъ прочелъ все написанное выборными людьми и громкимъ внятнымъ голосомъ произнесъ послѣднія слова челобитной:

— . . . . . и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было!..

Голицынъ окончилъ чтеніе и въ палатѣ наступила тишина.

Заговорилъ царь. Голосъ его былъ слабъ, но, по мѣрѣ словъ и развитія рѣчи, онъ крѣпъ. Царь умѣлъ говорить красно, онъ былъ ученикомъ Симеона Полоцкаго и даже слагалъ вирши.

Онъ началъ издалека—о смиреніи, гордынѣ и о любви христіанской, а потомъ перешелъ къ мѣстничеству, назвавъ это выдумкой дьявола, и уже громко говорилъ дальше:

— Наша царская держава, разсмотря, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріятелемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидящему Оку, желаемъ, да божественный Его Промыселъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ повелѣніемъ оное, разрушающее любовь, мѣстничество разрушить изволитъ и разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединить благоволитъ.

Царь перевелъ духъ и сталъ говорить о стараніяхъ своего покойнаго родителя уничтожить мѣстничество и звонкимъ голосомъ окончилъ:

— А теперь рѣшите, по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитію всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или попрежнему быть съ мѣстами?

Царь замолчалъ. Бояре младшихъ родовъ слушали царскую рѣчь съ затаенною радостью, ро-

довитые бояре хмурились, но вспоминали ссоры и обиды изъ-за мѣстъ и думали о постоянной своей тревожной заботѣ охранять свое мѣсто.

Послѣ царя заговорилъ патріархъ, поноси обычай мѣстничества и называя его „корьнемъ всякаго зла“, такъ какъ, кромѣ ссоръ, оно ничего не приносило до сей поры.

И онъ окончилъ:

— Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ николи достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренью за премудрое царское благоволеніе!..

Снова наступило молчаніе.

Царь обратился ко всѣмъ:

— Какъ же вы рѣшите, бояре?

Бояринъ Ситовъ сидѣлъ, слушалъ и весь трепеталъ отъ радости: вѣдь будетъ уничтожено это распроклятое мѣстничество, и тогда онъ сразу станетъ вровень съ княземъ Телепнемъ и уже не такъ побоится его угрозъ!

И услыхавъ слова царя, онъ первый крикнулъ:

— Быть безъ мѣстъ!..

— Безъ мѣстъ! Вѣстимо, безъ мѣстъ! ну, ихъ!— подхватили его крикъ другіе голоса, и лицо царя сразу просвѣтлѣло.

— Вотъ доброе дѣло!—воскликнулъ онъ.— Несите разрядныя книги!

Князь Голицынъ подалъ знакъ и нѣсколько дворянскихъ дѣтей выбѣжало и вскорѣ вернулось

съ охапками разрядныхъ книгъ, которыя грудою кинули тутъ же на полъ.

Въ этихъ книгахъ каждый боярскій родъ отмѣчалъ свои заслуги передъ царемъ и, когда поднимался споръ о мѣстѣ, то справлялись по этимъ книгамъ, кто изъ спорщиковъ правъ.

Царь указалъ на эту груду посохомъ и сказалъ:

— Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поминалась и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ!

— Сжечь ихъ!—закричали бояре.

Князь Голицынъ уже успѣлъ распорядиться, чтобы въ дворцовыхъ сѣняхъ былъ разложенъ костеръ въ желѣзной большой печкѣ.

Дворянскія дѣти весело потащили книги, стали рвать ихъ и съ хохотомъ кидать въ огонь.

Листы скручивались, вспыхивали, обращались въ пепелъ и взлетали кверху яркими звѣздами.

Бояре вышли въ сѣни. Стоя въ дверяхъ, смотрѣлъ и царь на истребленіе великаго зла, губившаго Россію.

Такъ совершилось одно изъ крупнѣйшихъ дѣяній царя Ѳеодора Алексѣевича.

Бояринъ Ситовъ стоялъ, и лицо его широко улыбалось.

„Вотъ про что мѣтилъ дьякъ“,—мелькало у него въ умѣ.

— Радъ, Авдѣй Егоровичъ?—услышалъ онъ подлѣ себя голосъ, оглянулся и увидѣлъ князя Голицына, который продолжалъ:

— Теперя князь-воевода ужъ не страшенъ, чаю?

Бояринъ кивнулъ и погладилъ бороду.

— Дюже радъ! теперь свою Катюшу отстою, и только...

— Что такое?

— За Антона Гуляева опасаюсь. Слышь...— онъ понизилъ голосъ и разсказалъ Голицыну про замыслъ Телепня и про пойманнаго ярыжку.

— Ну, ну! экій злокозненный!—сказалъ Голицынъ и прибавилъ:—за него самъ заступишься. А теперь иди и сиди дома!

Бояринъ съ удивленіемъ взглянулъ на удалявшагося Голицына и медленно пошелъ къ дверямъ.

На площадкѣ лѣстницы онъ догналъ князя Телепня.

— А!—закричалъ тотъ, костлявыми пальцами ухватывая за кафтанъ боярина.—Что, тестюшка, послалъ за невѣстою?

— Ѣдетъ!—отвѣтилъ Ситовъ съ насмѣшкою, но князь не разслышалъ насмѣшки и засмѣялся радостно.

— То-то! ты хорошо это, бояринъ, дѣлаешь... Мы теперь съ тобою—хоть и въ верстѣ, мѣстомъ спорить не буду, а все же я въ приказѣ сижу, дѣла вершу. Смекаешь!

Бояринъ вздрогнулъ, но не подалъ вида, что испугался его словъ.

— Сватовъ зашлю! — крикнулъ вслѣдъ князь Телепень.

Радостный и бодрый всталъ утромъ Антонъ Гуляевъ.

И вчера, и третьяго дня онъ вмѣстѣ миловился съ Катюшею; увидится и сегодня. Все переговорилъ съ нею. Ежели князь осилитъ и надо будетъ ей за него итти, Гуляевъ въ тотъ же день ее увозомъ возьметъ, и тамъ за него князь Василій Васильевичъ заступится.

— Гей! Васютка! — крикнулъ онъ стремянному.

— Здѣсь! — и Васютка тотчасъ показался на порогѣ двери.

— Готовь коней да собакъ свору: на зайца поѣдемъ!

— Изготовилъ уже, — отвѣтилъ Васютка.

День Гуляева начался по обычаю.

Наскоро онъ поѣлъ и выѣхалъ въ поле.

Гоняли они и зайцевъ, и лисицъ, затравили даже волка и къ полудню вернулись въ усадьбу.

Плотно пообѣдалъ Гуляевъ и легъ, мечтая о томъ, какъ, проснувшись, поѣдетъ въ усадьбу Ситова и тамъ до вечерни будетъ гулять съ Катюшею, съ горы катать, снѣжками кидаться...

Куда лучше, нежели на Москвѣ!

Но недолго удалось ему поспать.

— Господинъ, а господинъ! вставай! — раздался подлѣ него голосъ Васютки, и Гуляевъ съ удивленіемъ увидѣлъ тревожное, испуганное лицо своего стремянного.

— Что случилось? боярышня?

— Какой! изъ Москвы стрѣльцы пріѣхали: тебя взять хотятъ!.. Слышь, въ разбойный приказъ!

— Меня? въ приказъ?

Гуляевъ сѣлъ на лавку, ничего не понимая.

— Не будетъ добра съ этого, — говорилъ торопливо Васютка,—бѣги, господинъ!

Гуляевъ вскочилъ на ноги, но въ это время въ горницу вошли стрѣльцы.

— Ты—дворянинъ Антошка Гуляевъ?—проговорилъ подьячій, выдвигаясь изъ-за стрѣльцовъ.

— Я! а тебѣ на что?

— Повелѣно немѣшкотно тебя въ приказъ взять по государеву дѣлу.

Гуляевъ безпрекословно повиновался и только успѣлъ сказать Васюткѣ:

— Наперво — къ боярышнѣ, а потомъ въ Москву—къ боярину, а отъ него—къ князю!

— Слушаю, господинъ,—отвѣтилъ Васютка.

— Ну, трогай, что ли! — закричалъ подьячій.

Сани помчались. Въ переднихъ саняхъ лежалъ Гуляевъ, подлѣ него сидѣлъ подьячій и двое стрѣльцовъ, а въ заднихъ ѣхали шесть стрѣльцовъ и пѣли пѣсни.

Горько, горько заплакала боярышня, когда, вмѣсто Антона, прискакалъ въ усадьбу Васютка съ страшною вѣстью.

Бросилась она въ свѣтелку, упала на постель, и Палаша не могла ничѣмъ ее утѣшить. Послѣ она сѣла на полъ и заплакала вслѣдъ за боярышней.

А Васютка гналъ своего коня въ Москву, въ домъ боярина.

Бояринъ проснулся отъ послѣ-обѣденнаго сна и сидѣлъ у себя въ горницѣ, слушая докладъ ключника о домашнихъ дѣлахъ, когда вбѣжалъ холопъ и сказалъ:

— Отъ царя къ тебѣ!

Бояринъ какъ былъ, такъ и выскочилъ на крыльцо.

Черезъ дворъ шелъ окольничій со свиткомъ, обернутымъ шелковымъ платкомъ.

Бояринъ спустился къ нему на дворъ и ласково сказалъ:

— Милости прошу, честной гость!

— Отъ царя съ приказомъ! — сказалъ окольничій.

Они вошли въ домъ.

Въ горницѣ холопъ уже стоялъ съ подносомъ, на которомъ было два кубка, налитыхъ виномъ.

Царю во здравіе!.. Выкушай съ дороги! — поклонясь, сказалъ бояринъ.

Окольничій взялъ кубокъ.

— Жить царю многія лѣта! — сказалъ онъ, — тебѣ, бояринъ, съ боярыней и чадами, во здравье! дому избытокъ, роду честь! — и онъ выпилъ медъ, послѣ чего поцѣловался съ хозяиномъ.

Затѣмъ развернулъ платокъ, и бояринъ увидалъ царскую печать.

Окольничій развернулъ свитокъ, и бояринъ набожно поцѣловалъ царскую подпись, послѣ чего окольничій прочелъ.

Слушалъ бояринъ и ушамъ не вѣрилъ.

Свернулъ свитокъ окольничій и подалъ боярину. Тотъ снова поцѣловалъ его и положилъ въ кіотъ, а затѣмъ предложилъ посланцу выпить за царское здоровье.

— Кубокъ-то себѣ возьми! — сказалъ бояринъ. — Не откажись!

— Спасибо на чести! — сказалъ окольничій и взялъ кубокъ.

Бояринъ проводилъ царскаго посла до самыхъ воротъ, а затѣмъ чуть не бѣгомъ вернулся въ домъ и вбѣжалъ къ боярынѣ въ теремъ.

— Али горимъ! — съ испугомъ вскрикнула боярыня.

— Милость царская, Анастасья! — закричалъ бояринъ, — царь жалуетъ меня воеводою въ разбойный приказъ: князь-де Телепень годами старъ! А! теперя завтра же за Катюшей поѣзжай... Нѣтъ у насъ никакихъ страховъ!

Боярыня не сразу поняла радостную вѣсть, а потомъ всплеснула руками и залилась слезами.

Въ это время вошелъ ключникъ и таинственно сказалъ:

— Бояринъ! съ вотчины Васютка пріѣхалъ, стремянной Антона Сергѣевича: тебя безпремѣнно видать хочетъ!

Бояринъ вздрогнулъ: предчувствіе недобраго шевельнулось въ его душѣ, и онъ, оставивъ боярыню, спѣшно сошелъ внизъ.

— Зови его!

Васютка вошелъ и опустился на колѣни.

— Встань! сказывай, что случилось.

Быстро разсказалъ Васютка про внезапный захватъ своего господина.

Бояринъ вскочилъ на ноги.

— Эй! — закричалъ онъ, — давай одежу мнѣ. Кафтанъ и шапку гарлатную!.. Накажите холопамъ возокъ готовить. Скорѣе у меня!

И холопы забѣгали, а бояринъ тутъ же сталъ одѣваться.

— Ты-то обогналъ ихъ?

— Должно на малость самую!

— Ну, поспѣю!

Бояринъ взялъ изъ кіота царскую грамоту, бережно завернулъ ее въ шелковый платокъ и приказалъ давать шубу.

— А ты, Васютка, — сказалъ онъ, — сейчасъ къ себѣ на дворъ иди и возьми тамъ ярыжку, что Антоновы холопы ономнясь въ клѣть посадили. Скажи: бояринъ приказалъ!.. И съ тѣмъ ярыжкою немѣшкотно въ разбойный приказъ иди! Ну, съ Богомъ!

Васютка выбѣжалъ. Слѣдомъ за нимъ вышелъ бояринъ, сѣлъ въ возокъ и приказалъ спѣшно ѣхать въ разбойный приказъ.

Вечеръ наступилъ, и на улицахъ было уже темно.

VI.

Князь-воевода Долговъ-Обуховъ-Телепень прямо изъ дворца заѣхалъ въ приказъ и, не выходя изъ возка, вызвалъ къ воротамъ дьяка.

— Послалъ по Гуляева?—спросилъ онъ.

— Въ тотъ же часъ и послалъ, — отвѣтилъ дьякъ.—Надо-быть, къ вечеру обернутся.

— Въ колодки забей и въ избѣ оставь! — сказалъ князь съ злой улыбкой и поѣхалъ домой.

Въ сердцѣ его кипѣла злоба на молодого Антона: онъ не захотѣлъ ждать другого дня и,

вставъ отъ послѣобѣденнаго сна, снарядился и поѣхалъ въ приказъ.

Былъ уже вечеръ, когда сани проѣхали черезъ заставу, вдоль Москвы - рѣки, мимо Кремля и остановились на Балчугѣ, у разбойнаго приказа.

Гуляевъ увидѣлъ высокій частоколъ и невольно вздрогнулъ: не разъ, проѣзжая мимо, онъ слышалъ несущіеся отсюда вопли, и торопливо гналъ своего коня.

— Иди, что ли! ворочайся! аль ноги отнялись!—окликнулъ его подьячій, а стрѣльцы подхватили его и вытащили изъ саней.

Ворота со скрипомъ растворились, и Гуляева протащили черезъ дверь и втолкнули въ избу приказа. За столомъ сидѣлъ дьякъ. Въ избѣ было почти темно. Сверху спускалась широкая плошка съ саломъ, въ серединѣ которой, чадя и потрескивая, тускло горѣла свѣтильня.

Стрѣльцы втолкнули Гуляева, а подьячій подошелъ къ дьяку, сѣлъ на лавку и сказалъ:

— Привезъ! дайка мнѣ хлебнуть съ устатка.

Дьякъ угрюмо посмотрѣлъ на него.

— Иди прочь! — сказалъ онъ, — и знай свое мѣсто! чего разсѣлся? не знаешь, съ кѣмъ говоришь!

Подьячій растерянно вскочилъ съ лавки и поклонился въ поясъ:

— Прости, Ермолай Панфиловичъ!

— Я тебѣ—господинъ, а не Ермолай Панфиловичъ! Сдѣлалъ свое дѣло и ступай прочь. Пришли двухъ подручныхъ и колодки! а вы ступайте! — сказалъ онъ стрѣльцамъ.

И стрѣльцы, и подьячій вышли. Дьякъ и Гуляевъ остались одни.

Былъ Гуляевъ, одинъ на одинъ, съ медвѣдемъ, отбивался отъ четырехъ разбойниковъ, мчался на взбѣсившемся конѣ — и никогда не замирало у него сердце такъ пугливо, какъ теперь.

Издавна зналъ онъ, что въ разбойный приказъ попасть мало радости.

Пока онъ стоялъ и пугливо озирался, дьякъ неторопливо взялъ, открылъ ящикъ въ коникѣ и аккуратно поставилъ туда горшокъ съ курникомъ и сулейку.

Потомъ вытеръ губы, сѣлъ на лавку и, взглянувъ на Гуляева, кивнулъ огромной головою, подмигнулъ и сказалъ:

— Ты особливо не бойся: я—Авдѣю Егоровичу пріятель!

Гуляевъ сразу ожилъ.

— Скажи, милостивецъ, за что я тутъ? Чей поклепъ?

Дьякъ махнулъ рукою.

— Узнаешь опослѣ. Теперь я тебя, пока что, въ колодку посажу, а ты молчи.

Въ избу вошли два босоногихъ парня въ красныхъ рубахахъ, съ тяжелой колодой въ рукахъ.

— Его!—сказалъ дьякъ и прибавилъ:—да не больно круто!

Парни положили колодку на полъ, схватили Гуляева, и черезъ пять минутъ онъ былъ забитъ въ колодку.

— Идите! — сказалъ дьякъ и снова остался вдвоемъ съ Гуляевымъ.

— Ты не бойсь! — повторилъ онъ Гуляеву.— Пождемъ малость: коли князь не придетъ, я тебя до утра высвобожу изъ колодки, а теперь нельзя.

— За что взяли-то?

— Узнаешь! я скажу тебѣ такъ: ежли придетъ князь-воевода, да почнетъ тебя шпынять, ты молчи лучше... Лаяться не вздумай! не то онъ живо вздыбитъ, и я не помогу!

И только онъ сказалъ эти слова, какъ дверь распахнулась, и тотчасъ раздался скрипучій голосъ князя.

— Привезли сокола! ишь, какъ его скрючило! ха-ха! эй!—закричалъ онъ,—свѣчей давайте!

Въ избу вбѣжали три парня въ красныхъ рубахахъ. Одинъ сталъ брать со стола свѣчи и зажигать ихъ отъ коганца, другіе двое помогли князю снять шапку и тяжелую шубу.

— Табуретъ дайте да идите. Здѣсь за дверьми стойте: може, понадобитесь!

Князь сѣлъ на поданный ему табуретъ совсѣмъ напротивъ Гуляева и оперся руками на колѣни.

Парни ушли, дьякъ сидѣлъ въ сторонѣ, а князь и Гуляевъ молча смотрѣли въ глаза другъ другу: одинъ — съ ненавистью и злорадствомъ, другой—съ презрѣніемъ.

Въ избѣ стояла жуткая тишина.

Потомъ князь заговорилъ:

— Попался соколъ! хотѣлъ заклевать бѣлую голубку, да оно не вышло.

Гуляевъ стиснулъ зубы и молчалъ.

— Дьякъ, а дьякъ,—спросилъ князь,—будемъ, что ли, ему допросъ чинить?

Дьякъ закашлялся.

— Не во времени, княже... Подождемъ до утра!

— А мнѣ теперь его постегать охота. Скажи-ка, добрый молодецъ, чего это ты изъ Москвы уѣхалъ да подлѣ вотчины Ситова околачивался? ась? Знаешь ли ты, что та боярышня моя невѣста? а?..

Гуляевъ молчалъ. Князь приходилъ въ ярость.

— Дьяче, я ему буду сыскъ чинить?

— Твое дѣло, княже,—отвѣтилъ дьякъ.

— Безъ записи. Такъ!—и князь выпрямился.— Теперь ты мнѣ отвѣчать долженъ, а не то сейчасъ тебя въ батоги. Эй, вы!

Въ избу снова вошли три парня.

— Батоги принесите!

Одинъ вышелъ и вернулся съ толстыми гибкими палками.

— Ослобоните его!

Гуляева вынули изъ колодокъ, и два парня стали подлѣ него.

— Ну, а теперь отвѣтствуй, какое ты скаредное дѣло замыслилъ? для чего зелье и коренья у себя держишь? на чье здоровье?

Вдругъ дверь распахнулась и въ избу быстро вошелъ бояринъ Ситовъ.

Дьякъ поспѣшно вскочилъ съ лавки. Князь всталъ и удивленно смотрѣлъ на боярина.

— Не ждалъ, князь, поздняго гостя да еще сюда!—заговорилъ бояринъ и словно нечаянно увидѣлъ Гуляева.—Э, Антонъ Сергѣевичъ! ты какъ здѣсь? да еще подъ батогами? спустите его, молодцы!

Князь даже задрожалъ отъ гнѣва.

— Ты, бояринъ, тутъ—гость, а не хозяинъ!.. Али сбѣсился съ радости, что мѣстовъ нѣтъ!

Ситовъ усмѣхнулся.

— Пожалуй, что и хозяинъ, а не гость, — сказалъ онъ, и дьякъ тотчасъ закивалъ головою.

— Какъ это?

— А такъ!.. Видишь царскую печать? видишь царскій подписъ?—и Ситовъ развернулъ царскій указъ и, показавъ его князю, подалъ дьяку.

— Чти, дьяче, для всѣхъ!

Дьякъ не заставилъ повторять просьбы и быстро сталъ читать:

— Пашли мы, чтобы тебѣ, бояринъ Авдѣй Егоровъ, сѣсть воеводою въ разбойный приказъ

на мѣсто князя Парамона Тимоѳеева Долгова-Обухова-Телепня и съ симъ указомъ всѣ дѣла, и записи, и мастеровъ, и колодниковъ отъ него принять описью и его дѣло воеводское править.

Дьякъ прочелъ, и въ избѣ воцарилась тишина, только слышно было, какъ сопѣлъ князь въ безсильной ярости.

— Добро, — прохрипѣлъ онъ съ злой усмѣшкой,—такъ вотъ тебѣ, воевода, первое дѣло: онъ на государево здоровье замышлялъ, у него въ опочивальной и зелье, и коренья найдены.

— А гдѣ они?—спросилъ бояринъ.

— Завтра доносчикъ придетъ и все докажетъ,—сказалъ князь.

— Не ярыжка ли Ѳедька Гвоздевъ? — тихо спросилъ бояринъ.

Князь даже откачнулся, а бояринъ продолжалъ:

— Такъ Гвоздевъ этотъ сейчасъ здѣсь и съ зельемъ и съ кореньемъ будетъ: не успѣлъ онъ, князь, къ Антону Сергѣевичу ихъ подбросить и къ его холопамъ попалъ. Показывать-то онъ будетъ, только не про него!

Князь безсильно опустился на скамью.

Бояринъ сказалъ дьяку:

— Поглядь, дьяче, не привели ли его?

Дьякъ вышелъ и сейчасъ вернулся съ Васюткой, который велъ дрожащаго ярыжку.

— Этотъ и есть доносчикъ, князь? — съ насмѣшкой спросилъ бояринъ.

Князь ничего не отвѣтилъ.

Онъ вдругъ вскочилъ, взмахнулъ кулаками и сталъ кричать:

— Такъ-то! думаешь, съѣлъ Телепня! выродокъ, ублюдокъ! пожди! — и затѣмъ, безъ шубы, выскочилъ изъ избы.

Гуляевъ перекрестился.

Бояринъ махнулъ рукой на ярыжку и сказалъ:

— Бѣги! Богъ съ тобою!

Дьякъ подошелъ къ боярину и съ поклономъ сказалъ ему:

— Вотъ теперь и просьба моя: оставь меня въ дьякахъ!—и прибавилъ:—я про это еще когда зналъ: тебя давно люди прочили!

Бояринъ обнялъ дьяка.

— Это ли моя благодарность! мнѣ ты снова милость дѣлаешь! Ну, одначе, пора и домой! Васютка, одѣнь господина-то!

Подьячій унесъ его шубу, и Васютка одѣлъ Гуляеву свой охабень.

Бояринъ сѣлъ въ возокъ съ Гуляевымъ и по дорогѣ говорилъ ему:

— Завтра жена моя за Катюшей ѣдетъ. И ты съ ними! Слава Господу, обошлось все по-хорошему!

На другой день, раннимъ утромъ ѣхалъ возокъ съ боярыней Ситовой въ вотчину, и впереди ея скакалъ во всю конскую прыть Гуляевъ, спѣша порадовать свою невѣсту.

Въ это же время бояринъ былъ на выходѣ и благодарилъ царя на милости.

Царь подпустилъ его къ рукѣ и сказалъ:

— Вѣрю тебѣ, бояринъ, что ты — царскому дѣлу радѣтель!

— Не покривлю правды!—отвѣтилъ бояринъ.

Князь рвалъ и металъ въ своей злобѣ, но былъ безсиленъ, и царь наказалъ ему ѣхать въ вотчину на покой.

Гуляевъ женился на боярышнѣ, и все обошлось по-хорошему.

КЪ 300-ЛѢТІЮ ЦАРСТВОВ. ДОМА РОМАНОВЫХЪ

выпущены слѣдующія изданія (книги и брошюры подъ ред. засл. проф. П. Н. Жуковича):

1. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Прошлое Россіи отъ Рюрика до Романовыхъ.** Ц. 30 к.
2. Проф. *А. Елчаниновъ.* **Державный Домъ Романовыхъ.** Ц. 30 к.
3. Засл. проф. *П. Жуковичъ.* **Смутное время и воцареніе Романовыхъ.** Ц. 25 к.
4. *Н. Дучинскій.* **Воцареніе Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 3 к.
5. *Л. Погожева.* **Безвинный страдалецъ—Михаилъ Никитичъ Романовъ.** Ц. 5 к.
6. *Е. Поселянинъ.* **Царица Анастасія Романовна.** Ц. 5 к.
7. *Его же.* **Герои и подвижники лихолѣтья XVII вѣка.** Ц. 15 к.
8. *Его же.* **Родоначальникъ Дома Романовыхъ—Патріархъ Филаретъ.** Ц. 10 к.
9. *Его же.* **Сусанинъ и его потомки.** Ц. 5 к.
10. *Н. Дучинскій.* **Три вѣка на Руси.** Ц. 10 к. Къ книжкѣ изготовлено 50 свѣт. карт. для публ. нар. чтен.: черн. по 40 к., раскр. по 1 р.
11. *Его же.* **Подъ скипетромъ Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 5 к.
12. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Т. I. Исторія Россіи.** Ц. 40 к.
13. Проф. *П. Мигулинъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Томъ II.** Ростъ Россіи въ экономическ. отношеніи. Ц. 50 к.
14. Проф. *С. Никоновъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Томъ III.** Ростъ Россіи въ культурномъ отношеніи. Ц. 40 к.
15. *Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.* **Михаилъ Ѳеодоровичъ.** Ц. 12 к.
16. *Н. Ѳеодоровъ.* **Тишайшій Царь Алексѣй Михайловичъ.** Ц. 10 к.
17. *Л. Погожева.* **Царь Ѳеодоръ. Царевна Софія.** Ц. 5 к.
18. Проф. *П. Ковалевскій.* **Петръ Великій.** Ц. 20 к.
19. *В. Мазуркевичъ.* **Императоръ Петръ II. Императрица Анна Іоанновна.** Ц. 5 к.
20. *Н. Носковъ.* **Императрица Елизавета Петровна. Императоръ Петръ III.** Ц. 10 к.
21. *Его же.* **Екатерина Великая.** Ц. 15 к.
22. *Н. Ѳеодоровъ.* **Императоръ Павелъ.** Ц. 5 к.
23. *Н. Дучинскій.* **Александръ Благословенный.** Ц. 10 к.
24. *А. Ефимовъ.* **Императ. Николай I.** Ц. 12 к.
25. *Н. Дучинскій.* **Царь-Освободитель.** Ц. 12 к.
26. *А. Д. Поповъ.* **Царь-Миротворецъ.** Ц. 12 к.
27. Проф. *А. Елчаниновъ.* **ЦАРСТВОВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.** Ц. 30 к.
28. *А. Заринъ.* **Изъ жизни Русскихъ Царей и Царицъ** (разсказы, характер. и т. п). Ц. 35 к.
29. *А. Заринъ.* **Царскія развлеченія и забавы за 300 лѣтъ.** Ц. 30 к.
30. *Его же.* **Любимыя мѣстопребыванія Русскихъ Государей** Ц. 25 к.
31. *Н. Жерве.* **Сподвижники Русскихъ Царей** (за 300 лѣтъ). Ц. 30 к.
32. *Н. Дучинскій.* **Три столѣтія.** (Изъ произв. русскихъ писателей и поэтовъ и юбилейн. сборникъ). Ц. 35 к.
33. *Н. Сергіевскій.* **На зарѣ царства.** Историч. романъ (изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича). Ц. 75 к.
34. *А. Заринъ* **1. Великій кормчій. 2. Разрушенное счастье.** Историческ. разсказы изъ временъ царя Михаила. Ц. 10 к.
35. *Его же.* **1. Божья воля. 2. Царскій соколъ.** Историческіе разсказы изъ временъ Алексѣя Михайловича. Ц. 25 к.
36. *Его же.* **По-хорошему.** Историч разсказъ изъ временъ Ѳеодора Алексѣевича. Ц. 10 к
37. *Его же.* **1. Первый взлетъ. 2 Доброволецъ.** Ист. разск. изъ вр. Петра Вел. Ц. 20 к.
38. *Его же.* **1 Видѣніе. 2. Ангелъ-хранитель.** Историческіе разсказы изъ временъ Екатерины I и Петра II. Ц. 15 к.
39. *Его же.* **1. Стрѣлокъ. 2. Сказка.** Историческіе разсказы изъ временъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Ц. 15 к.
40. *Его же.* **Царицынъ подарокъ.** Историческ. разсказъ изъ временъ Екатерины II. Ц. 15 к.
41. *Его же.* **1. Неожиданное счастье. 2. Царское великодушіе.** Историческіе разсказы изъ временъ Павла I и Николая I. Ц. 15 к.
42. *Его же* **1. Неузнанный царь. 2. Урокъ на всю жизнь.** Историческіе разсказы изъ временъ Александра I. Ц. 5 к.
43. *Н. Соколовъ.* **За природнаго Царя.** Драм. сцены въ 6 карт. Пьеса къ предст. дозв. и къ предст. въ нар. театр. одобрена. Ц. 20 к.
44. *А. С. Танѣевъ.* **Родина наша.** Музык. пьеса. Партитура и голоса. Ц. 50 к.
46. *Н. Армсгеймеръ.* **Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.** Въ стихахъ, съ музык. и пѣн. (съ сопровожд. свѣт. картинъ). Парт. 1 р. 50 к., оркестр. партіи 2 р. 50 к., 16 свѣт. картинъ: черн. 6 р. 40 к., раскр. 16 р.
47. *А. Котомкинъ.* **Кантата въ стихахъ** (безъ музыки). Ц. 5 к.

Портреты: Государя Императора 5 р. 1 р., 25 к., 5 к. **Государынь Императрицъ** 5 р., **Наслѣдника Цесаревича** 5 р., каждаго Государя изъ Дома Романовыхъ 1 р. 25 к.

Памятки къ 300-лѣтнему юбилею. Ц. 1 р. 25 к., 50 к., 15 к., 5 к.

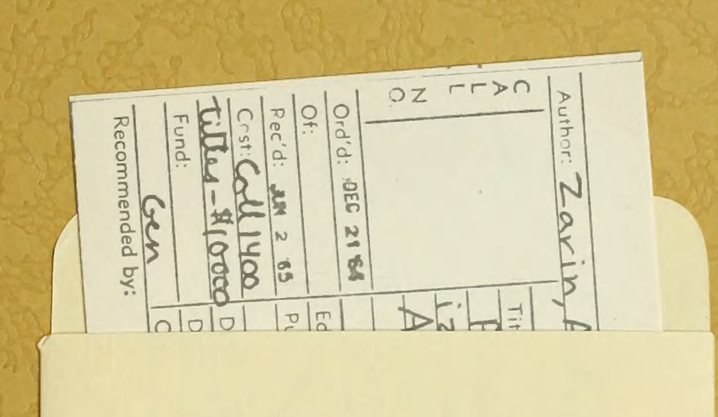
Альбомъ къ 300-лѣтію Царствующаго Дома Романовыхъ. Ц. 25 к.

ВСѢ ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Съ требованіями обращаться: 1) въ книгоизд. «Сельскаго Вѣстника»—Спб., Мойка, 32: 2) къ Т-ву И. Д. Сытина—Москва, у Ильинскихъ воротъ, или въ отдѣленія Т-ва И. Д. Сытина—въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону и Иркутскѣ.

Цѣна 10 коп.

Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1913.

Author: Zarin
CALL NO.
Ord'd: DEC 21 '64
Of:
Rec'd: JAN 2 '65
Cost: Coll 1400
Fund:
Gen
Recommended by:

